

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК ОБЩЕСТВА И УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И ФРОНТОВЫМ ПИСЬМАМ)

Автор анализирует семейный архив официальных и личных документов, в том числе комплекс писем участника Великой Отечественной войны Игоря Новожилова, присланных родным с фронта в 1941–1943 гг. В статье поднимается тема устной истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Петрозаводск, семейная история, устная история.

O. A. Kiseleva (Petrozavodsk)

PUBLIC MORALS AND ORAL HISTORY (ACCORDING TO MEMOIRS AND LETTERS FROM THE FRONT)

The author analyzes the family archive of official and personal papers, including a set of letters of the Great Patriotic war veteran Igor Novozhilov sent to his relatives from the front in 1941–1943. The article raises the theme of oral history.

Keywords: World War II, Petrozavodsk, family history, oral history.

У историка есть факт и слово о нем. А какое оно: письменное или устное? Они должны быть в одном строю. Спор историков о том, что важнее — письменный документ или устный рассказ имеет под собой методологическую основу, уходящую в особенности человеческой памяти. Человек, вспоминая многожды одно и то же, рассказывает по-разному, что-то добавляя, что-то опуская. Письменный документ создан раз и навсегда, его лишь можно подкреплять другими фактами, документами, пытаюсь доказать или изменить какую-то истину.

За годы исследовательской работы в сознании укрепилось, что важны для историка оба слова. У матери моего мужа было 3 брата. Все трое — участники Великой Отечественной войны. Двое вернулись после войны, дойдя до Берлина, а один погиб 19 июля 1943 года в боях за Старую Руссу. С двумя старшими (1912 и 1918 годов рождения) была знакома, а о младшем (1919 г. р.) Игоре Ивановиче Новожилове только слышала некоторые фразы: самый талантливый, самый способный, самый интересный... самый, самый, самый, а в чем? Непонятно. И вдруг в этом году свекровь дала посмотреть семейный архив (она 1924 года рождения). И я была потрясена сохранностью семейного архива и по форме и по содержанию¹. Он начинается с документов родителей. Оба 1889 года рождения, уроженцы Карелии. Мама — Мария Дмитриевна Новожилова (в девичестве Сорокина по отцу, по матери — Чехонина) и отец — Иван Николаевич Новожилов. Мама — дочь рабочего Александровского пушечного завода, сельская учительница. Отец окончил техникум в Вышнем Волочке, вступил в партию социалистов-революционеров, принял Советскую власть и вступил в партию социал-демократов. Был в составе правительства Советской Карелии в должности заместителя наркома земледелия. В 1921 году он назначен директором сельхозтехникума в Александро-Свирском монастыре. Позже снова переехали в Петрозаводск, где он в основном служил в ведомствах по сельскому хозяйству и изобретал машину для мелиорации. В 1937 году был репрессирован, приговор — 10 лет без права переписки, жена тоже была в заключении 2 месяца, однако отпущена за недостаточностью улик. Мария Дмитриевна умерла в 1976 году, так и не узнав о том, что муж был расстрелян в октябре 1937 г. на второй день после полученной от него небольшой записки из тюрьмы. В домашнем архиве храниться записка по реабилитации в 50-е годы: причина смерти в лагере в 1943 году — сердечный приступ.

¹ Личный архив В. И. Сухаревой, г. Петрозаводск.

Первый сын — Юрий — у четы Новожиловых родился в 1912 году. Его фотографию бабушка вклеила в середину между младшими детьми.

Мешала ли детям судьба отца? Да и нет. Все зависело, где и в какой обстановке приходилось писать сведения о родителях. Старший сын Юрий (17.11.1912–09.09.1996), после школы поступал с некоторыми осложнениями в Тимирязевскую сельхозакадемию в Москве, до 1941 г. не закончил, ушел на фронт, диплом получил, отучившись, после войны. До зачисления в академию по привычке, сложившейся в семье, он каждое лето работал с отцом (после ареста Ивана Николаевича без него) на полевых мелиоративных работах. Странности незачисления в 1937 г., наверное, помогли ему избежать, быть может, ареста, лагеря, расстрела. Во время войны служил в военно-инженерных войсках, с родными связи не было, первое письмо от 5 ноября 1944 г., хотя понимали, что жив, так как по аттестату деньги матери приходили регулярно. В письме сестре 25 мая 1945 года написал из Берлина: «Но приятнее всего видеть сплошные развалины в центральной части города». Средний сын Вадим (07.04.1918–15.09.2004) после окончания школы поступил в Гдовский сельскохоззяйственный техникум, получил специальность механика, после ареста отца куда не брали, но затем получил место в районной МТС, с 1940 г. в армии, на фронте, до 1946 г. о нем ничего не было известно. Когда он вернулся с фронта и узнал, что его брат Гаря (Игорь) погиб, то сказал: «Лучше бы меня 100 раз убили!», а первого своего сына назвал Игорь. Младший брат Игорь (07.10.1919–19.07.1943) окончил 10 классов в средней школе № 4 г. Петрозаводска, успешно сдал экзамены в Военное училище в г. Ленинграде, был зачислен, но когда арестовали отца, его отчислили из училища. Хотя в 1934 году он написал под фото «Пески Каракумов» из журнала «Огонек»: «Скоро я окончу семилетку, а потом и горный техникум. На работу (в третью пятилетку), может быть, поеду в пески Кара-Кумы. Игорь Новожилов 1934 год». Впрочем, корабли его влекли, недаром Петрозаводск расположен на берегу Онежского озера, считается портом пяти морей. Например, сохраненная детская записка, как часто бывало в семье на обратной стороне иллюстрации из «Огонька»: «пропадал я сегодня на кораблях школы «Фрунзе» — у них был судовой праздник. Нас там кормили хорошим обедом и поили чаем. Ходили в небольшой поход на их кораблях. Я пошел в сад, деньги остались вчерашние. Гаря»

Вернемся в 1937-й. На работу куда не принимали, они с братом Димой (Вадим Ив.) зарабатывали пилкой дров у соседей, которые из сочувствия приглашали их для этого. В 1939 г. уехал работать на Север. В семейном архиве есть письмо начала войны. Датировано 25 июня 1941 года: «Мы ловим акул из-за отсутствия трески. Поймали штук 25 весом от 150 кг до 1000 кг. Ужасные звери». На Западе страны — бои, многих нет, а на Севере в Саамском районе, село Гремиха еще мало кто понимает и в том числе Гаря (так его звали в семье), что началась страшная Священная война. В армии он с августа 1941 года и воюет без остановки на Севере: Мурманск, Кестеньга, Медвежья гора и так до Старой Русы. Письмо от 23 января 43 года: «...С начала войны воюю. В прошлом году ранило маленько в правую руку выше локтя, кожу поцарапало (был на лечении месяц — ясно из другого письма). Сейчас в родных местах. Против нас «sattana percale» — «рыжие», — мы их зовем. Со «...-го января отошли на отдых, через пару другую дней тронемся стрелять по живым мишеням. По специальности я пулеметчик-станкист, по званию — старший сержант. Посылаю в письме фото, поглядите на «солдата с фронта», правда, неудачно получился. На самом деле вид поприличней. Уже второй год живу в лесу, в земле, как крот. Был, правда, два месяца в городе «М», но там ни одного дома (даже сарая) нет целого. Отольются волку овечьи слезы скоро. Злые мы стали и есть чем стукнуть. За вас. За ваши мытарства расплатимся с лихвой. Наш город тоже сильно пострадал, я слышал от очевидцев. Спасибо большое от меня тете Лиле за то, что вас приютила. Жив, буду, не забуду. Каринка, (это сестре) поправляйся быстрее, нельзя сейчас болеть. Нас, как-то ничто не берет. Приходилось по неделям не видеть огня, в 30-градусный мороз спать на снегу под елкой, или мокнуть под дождем по колено в болоте и даже насморк не приставал. Сейчас живем в хороших теплых землянках. В питании перебоев нет. Бывают кино, концерты. Пошлю Вам немного денег — поднакопилось за прошедшее время... До свидания. Как хочется

вас всех видеть!... Ленке Сорокину (двоюродному брату по материнской линии) — боевой привет! Пусть чинится скорей... Писать-то я совсем разучился. Ну, всего. Гаря».

С началом войны из дома на его письма ответы долго не приходили. Связь прервалась из-за эвакуации родных из Петрозаводска. Разыскивает через Справочное бюро, ответ — «не значатся». Лишь к концу 1942 года через знакомых узнал, что мать и сестра в Татарии. Но и оттуда нет писем. О радость! Дали адрес родной тётки Лили (Елизавета Дмитриевна Никольская — младшая мамина сестра), выехавшей с детским садом и собственными детьми (Феликсом 1929 г. р. и Лерой 1937 г. р.) в Вологодскую область, Тарногский район. Наконец получил ответ мамы, сестры Карины и 13-тилетнего двоюродного брата, об этом в письме 23 января: «получил открытку и письмо мамино и письмо Феликса. Очень обрадовался, даже руки затряслись». Так началась переписка с 3 января и до 16 июля 1943 года — два десятка писем приличной сохранности, только в некоторых наполовину утерян текст, стерся карандаш, размыты чернила. Эти письма — целое литературное произведение. Они достойны издания. Конечно, в 2012 году они не добавляют нового к тому, что известно о жизни солдата на войне, но это целая жизнь в шесть месяцев человека 23-х лет от роду, который все время передвигается в основном пешим маршем с Севера до Старой Русы. Из письма от 25 февраля 43 г.: «...На днях в бой погоним немца. Пришлось идти в пургу, ветер дул в лицо, снегом залепляло глаза. Отшагали км 120 с нагрузкой пудика полтора да еще «Максимка». И ленты с патронами. Ну. Пока, всего хорошего... Проезжал через Коноши. Гаря». Еще о марше в письме от 29 января: «...ты пишешь (это он сестре рассказывает), вам приходилось спать при температуре -2 градуса, а нам в мороз (не знаю сколько градусов, но только водка сорокоградусная в бутылках превращалась в лед), приходилось спать в снегу... Нынче лучше — в землянке, жжем скипидар... копоти — к утру в носу черно и сам больше похож на негра. Плюнешь — деготь. Большое спасибо Лере (двоюродной сестренке пяти лет) за картинку, мы ее всей землянкой смотрим. Я ее тоже очень люблю и скоро приеду... Писать кончаю, нужно сходить проверить посты». Как замечательны строки в переписке с младшим братом, где вспоминается рыбная ловля, охота, обещание все повторить после войны, а в одном есть такие строчки: «На днях поймали кулика. Сварили. Вкусно... Но баловаться охотой некогда», хотя в письмах родным есть постоянно строчки о хорошем питании в армии. Очень беспокоится о судьбе сестры, не надо бы болеть, хорошо бы пойти после школы учиться, чем смогу — помогу. Интересно, у мамы не спрашивает про здоровье, но, уходя в армию, все фотографии оставил на корабле и у хозяйки, а мамину взял.

В некоторых письмах идёт запись буквально о своих сиюминутных наблюдениях. Письмо от 10 июня: «Здравствуйте! Получил письма — мамино, Карины и Феликса. Очень рад, что нашелся Юра. Я ему писал, только не по этому адресу. А ответа не было, да ведь от него и ждать трудно. Сейчас попробую написать еще. Время, правда, у него, наверно, для писем маловато, им хватает работенки (Юрий Иванович служил в саперных частях, майор) Это я вот сейчас пока тихо сижу в дзоте, засматриваю в амбразуру «не пойдет ли фриц». Слушаю, как мины в сторонке хлопают, тут изредка пощелкивают, и пишу письмо. Погода замечательная. В общем как на курорте. Только комары грызут, от них спасу нет. Тряпку зажжем, вроде повыгоним немного из дзота, хотя вонь от нее. Тетя Настя не писала? (мамина знакомая из Ленинграда). Жаль, нет у меня адресов школьных товарищей и подруг. Не зря оказывается, Тося Д. при встречах со мной краснела. Хороший она товарищ была мне. Умная и прямая. Ну, всего хорошего. Пишите. Всем привет. Гаря».

Тема любви, весны, женщин пробуждает сама природа и в весенне-летних письмах это присутствует. 26 апреля, письмо написано на каком-то красном клочке. С бумагой и карандашами туго. «Нашли немецкий ящик с какой-то дребеденью, обитый красной бумагой» — несколько раз все писали письма и он на такой немецкой бумаге... «Пишу ночью, часа два. Свет от маленькой железной печки. Настроение — злое и печальное. Убили вчера моего — гады — боевого друга и двоих тяжело ранили. Вместе ели «кашу» больше года. А теперь их нет. Артиллеристы всыпали им маленько. Мы указывали, они — били. Сейчас — чудо.

Слышу женский голос, вылезая на «свет божий» — голос с неба, по-немецки... прислушался. Особый шум мотора, это наши открывают немцам глаза, только, по-моему, их закрывать надо, или просто выбивать. Другое они плохо понимают. Время пришло. Весна, теплень... лягушки кругом в воронках целые симфонические оркестры устраивают. А недавно мы на марше, мороз. Пурга. Потом вода, грязь, тут у Старой Русы, как-будто целебная, и прошли не сотню, не две, а побольше километров. Да с полной боевой нагрузкой. Одних патронов — 300. И с ходу к немцу в гости. Ну, расписался. Пока, всего! Иду проверять посты. Пальба поднялась шальная. Гаря».

Десятью днями раньше 15 апреля писал: «...Сейчас до фрицев от меня 10 метров (18? 80? — не совсем ясно прочитывается). Сiju в блиндаже, из угла до двери 2 метра. Холодно, топить нельзя, дым видно. Ночью стрельба принимает ураганный характер... Днем пулеметы молчат. Еще, еще... 19 штук бросил, гад. Вся кругом местность здесь жидкая — болото, сплошь перепаханное снарядами и минами. Как ни ступишь, все — воронки. Грязь перемешана с сучьями, обломками деревьев. Лес представляет из себя рассеченные пни разной высоты. Как тут человек жив остался? Чудо. Привыкли и даже не удивляемся. Ну, а в остальном все хорошо. А немца били и бить будем пока живы. За себя, пожалуй, расквитался. Теперь за все расквитаемся. Сегодня вручили мне книжку с личным счетом мести. Правда, учтено не много. Но и не учтенные не ходят. Пишите. Гаря».

За месяц до гибели, два года войны, 26 июня 43 года... «Долго Вам не писал, наверно беспокоитесь. Жив-здоров! Последнее время было совершенно некогда писать, спал по 2–3 часа в сутки, а то и меньше. Сейчас отошли немного в тыл — на передышку. Сейчас устраиваемся, приводим себя и оружие в порядок. Через три дня — полковой праздник — «2-я годовщина полка, если ничего не случится, отпразднуем в тылу, а потом — заниматься. Тут немного поспокойней, хотя тяжелые снаряды иногда пролетают. Если будут перерывы в письмах от меня, не беспокойтесь, что случится со мной — так сообщают сразу, в тот же день. Нет же писем от меня — значит, жив и причина — другая, а их тут могут быть уймы... Прочитал в газете, что немецкое информбюро сообщило «будто бы они на нашем участке наступали и все разбили, уничтожили и захватили много пленных, а на самом деле ни один фриц не подходил к нашей обороне, а пленных, если и брали, то не они, а наши разведчики их языков. Это уже второй случай. Один раз они сообщили номер нашей дивизии, как полностью разбитой, а мы все еще существуем и даже не переформировывались, что говорит за то, что разбивать нас долго нужно, после того сообщения... выполняем боевые задания. Ну, пока, кончаю писать. Нужно пришить погоны (до этого были ромбы, в армии началась реформа)...» От 3 июля 43 г... «Отпраздновали 2-ю годовщину полка... Передовая в 5 км, а у нас и война забылась. Только вот... хлопают...» И еще о противнике в письме от 24 марта «...Опять протопали несколько десятков км по освобожденной родной земле. Все изрыто кругом, окопы и укрепления вшивых фрицев, воронки — маленькие и огромные, обломки автомашин, танков, самолетов. Край дороги — множество кладбищ с бесчисленным количеством березовых крестов. Получили фрицы «восточное жизненное пространство». Сволочи, сколько сожгли деревень, местами остались одни столбики с названием села да скворечники на деревьях. Кирпича от печи нет..... Не дописал вчера, заснул с карандашом и пожег немного портянку. Сегодня выпустил боевой листок... Сейчас пообедал и пишу вам. Отвечаю на вопросы Карины... Кранец — это (вопрос из прежней переписки по кораблям)... Передний край — это конец советской власти. Окопы, дзоты, ходы сообщения или просто ямы и воронки, где мы лежим, впереди колючая проволока, минные поля наши и противника... фрицы в своих норах. Это уже их передний край.....Деньги из-за бюрократа нач.фина не послал. При возможности сразу вышлю. Пишите чаще. Гаря».

30 июля 1943г пришла похоронка и письмо командира подразделения (написано красными чернилами от руки): «Уважаемая Мария Дмитриевна! С прискорбием и глубоким соболезнованием извещая Вас о героической смерти Вашего сына, Новожилова Игоря Ивановича. Он пал смертью храбрых, смертью героя, он пал как коммунист, он пал так как не каждый

может умирать. Мое подразделение, в котором служил Ваш сын Игорь, захватывало очень сильный и имеющий стратегическое значение опорный населенный пункт и с успехом выбивший оттуда поганую немецкую тварь. Игорь дрался как герой! Он был командиром расчета станкового пулемета и его в начале же боя ранило в руку. Но не обращая внимания на рану, он остался в строю и установив пулемет на удобном месте, уничтожил семь немцев. Но вот в пулемет, за которым лежал и дрался герой Игорь, попала мина и... Игорь смертельно ранен в грудь, осколком был убит. Мы поклялись ему и за его смерть отомстить! Образ Игоря Новожилова бессмертен! Он нас вел в бой, и он сейчас живет в каждом из нас. Кончился бой... Игорь был со всеми почестями (с музыкой под салют, но без слез) похоронен. А я его посмертно представляю к награде. Сын Ваш, уважаемая Мария Дмитриевна, умер, но слава его в нас вечно будет жить. Командир подразделения капитан А. Кожухов».

В похоронке указано место захоронения. Удивительно, но никто не смог побывать на могиле и награда не нашла родных. Сегодня и устное слово и письменные документы объединили родных и близких, которые уже начали переписку с архивом, военкоматом Старой Русы, чтобы найти могилу, почтить память героя — брата, дяди, деда, друга. Полагаю, что заряд морально-нравственного накала, который получают внуки, — это и есть необходимый результат работы историка и с устными и письменными материалами. Ведь недаром Мераб Мамардашвили отмечал: «...надо ставить вопрос об истинности сказанного не с точки зрения того, что сказал человек, а сточки зрения того, чьи и какие слова он присвоил, под чем подписался, превращая сказанное не в факт истории, а в факт сознания, биографии конкретной личности. В таком случае историка должна интересовать любая, с формальных позиций, ложь, поскольку она является составляющей ментальности; потому что ложь, как и жизнь каждого — уникальна. Именно в устной истории создается идентичность нации и индивидуума одновременно. Создавая исторический документ, историк вместе с респондентом помогает формированию идентичности социума; однако, проговаривая пережитое, человек вторично проживает свое прошлое, вторично выстраивает его. Таким образом, устная история — это одновременно процесс и форма обретения обществом и личностью своей идентичности» [Цит. по: Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1995. С. XIV].

Мамой Игоря Ивановича сохранены различные записки, рисунки всех четырех детей (возила из Петрозаводска в эвакуацию в Билярск Татарской области, на Вологодчину, потом брала с собой, когда поехала нянчить внуков к дочери в Читу, снова в Петрозаводск). Среди них есть интересная записка Игоря одного праздничного довоенного дня, басня о попугае, конспекты уроков... и поэма «Мы», написанная, вероятнее всего в 1936 году (так как тут речь о Святодуховском храме столицы Республики Карелии, который был взорван на границе лета-осени 1936 г.), она не закончена, бесхитростна. Под Маяковского и Блока одновременно, но как замечательно передает, светлую душу юноши, увлекающегося литературой, дорожащего дружбой товарищей. И это неудивительно. Его мама перед смертью написала предсмертную записку, где просит прощения у своих детей за строгость, которую проявляла по отношению к ним, но это только от желания вырастить их «безупречными». Вот эта поэма. «Вечер над городом,/ легкий мороз,/ на станции молодо/ кричит паровоз./ Над заводом Онежским / визгливый шум,/ звуком резким/ бум да бум!/ На фабрике лыжной / пил разговоры,/ рубанок подвижный/ и стружек горы./ Улицей снежною/ шла, выстроив ряд,/ с песней безбрежною/ кучка* ребят./ — Кто они? Пьяные? / Песни орут./ Лица румяные, /прямо идут./ Может шпана?/ Хулиганов орда?/ Песни она / поет иногда./ Нет не похоже,/ не вышло и тут./ Не трусят прохожие,/ рядом идут./ Если хотите/ узнать: кто они —/ дальше прочтите,/ ниже взгляни./

***/ Вот идут веселым шагом,/ песня льется из груди./ Ветерок играет с флагом/ и фонарик впереди./ «Глядь, — стоит на перепутьи/ «Храм Спасителя Христа»./ — А сюда не заглянуть ли?/ — «...Шик, блик, красота./ Тра-та-та, тра-та-та»./ И, шагая по бульвару,/ став бодрее в десять раз,/ подавая песней жару,/ весело пустились в пляс.» /Вот подпрыгивая ловко,/ Чарли Чаплиным идет,/ руки, ноги и головка —/ влево-вправо, взад-вперед./ А дру-

гой высокий длинный/ ростом эдак метра с два, /над товарищами чинно/ выпирает голова./С третьего срываю маску/ про него скажу я так:/ Он, читатели, мурманский/ неудавшийся моряк./ Еще — летчик сухопутный,/ собирается летать./ Пятый человек./Это — я, ни дать, ни взять».

Кто эти пятеро? Один — «я», т. е. автор — Игорь — «ни дать, ни взять». Другой — брат — Вадим. Еще двое — это братья Болотовы — Саша и Вова, один из них был выше других. Пятый — Леня Сорокин. Загадка — кто из них любил играть походкой под Чаплина.

Светлая память погибшим за Родину.